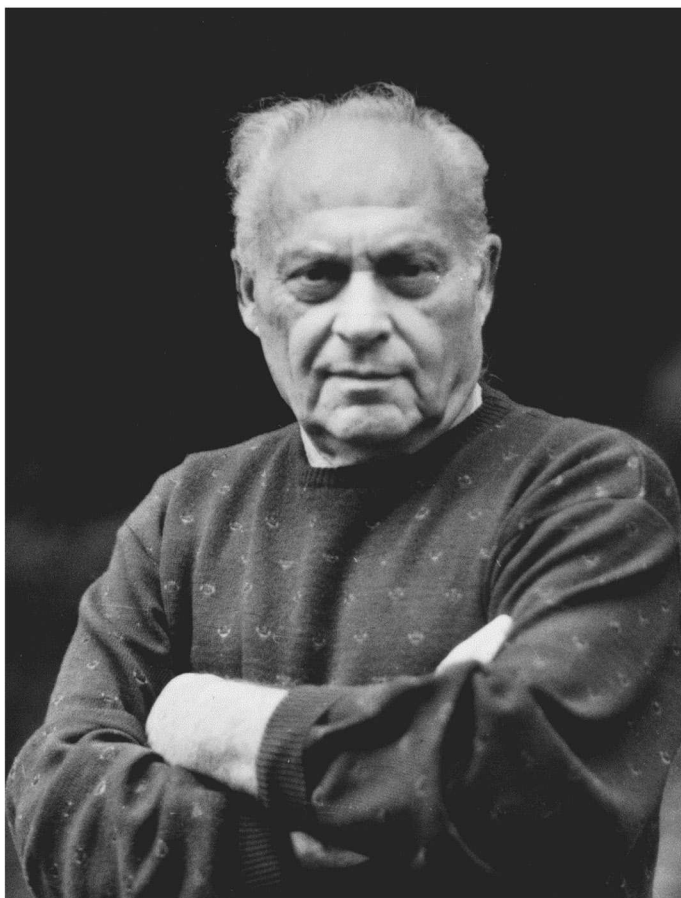

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

1911-1998

Анатолий Рыбаков

Дети Арбата

Книга 1

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
Р93

Рыбаков, А.

Р93 Дети Арбата. Книга 1 / А. Рыбаков. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 858 с. – (Легендарные книги литагентства ФТМ).

ISBN 978-5-521-74715-3

Время действия романа А. Рыбакова «Дети Арбата» — 1934 год. Автор водит читателей то в кремлёвские кабинеты, то в атмосферу коммунальных квартир, то в институтские аудитории или тюремную камеру; знакомит с жизнью и бытом сибирской деревни. Герои романа — простые юноши и девушки с московского Арбата и люди высшего эшелона власти — Сталин и его окружение, рабочие и руководители научных учреждений и крупных строек. Об их духовном мире, характеристиках и жизненной позиции, о времени, оказавшем громадное влияние на человеческие судьбы, рассказывает этот роман.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC000000

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Текст. А.Н. Рыбаков,
наследники, 2018

ISBN 978-5-521-74715-3

Часть первая

1

Самый большой дом на Арбате — между Никольским и Денежным переулками, теперь они называются Плотников переулком и улица Веснина. Три восьмиэтажных корпуса тесно стоят один за другим, фасад первого выложен белой глазурованной плиткой. Висят таблички: «Ажурная строчка», «Отучение от заикания», «Венерические и мочеполовые болезни»... Низкие арочные проезды, обитые по углам листовым железом, соединяют два глубоких темных двора.

Саша Панкратов вышел из дома и повернул налево — к Смоленской площади. У кино «Арбатский Арс» уже прохаживались парами девочки, арбатские девочки и дорогомилловские, и девочки с Плющихи, воротники пальто небрежно приподняты, накрашены губы, загнуты ресницы, глаза выжидающие, на шее цветная косынка — осенний арбатский шик. Кончился сеанс, зрителей выпускали через двор, толпа выдавливалась на улицу через узкие ворота, где весело толкалась стайка подростков — извечные владельцы этих мест.

Арбат кончал свой день. По мостовой, заасфальтированной в проезжей части, но еще булыжной между трамвайными путями, катили, обгоняя старые пролетки, первые советские автомобили «ГАЗ» и «АМО». Трамваи выходили из парка с одним, а то и двумя при-

цепными вагонами — безнадежная попытка удовлетворить транспортные нужды великого города. А под землей уже прокладывали первую очередь метро, и на Смоленской площади над шахтой торчала деревянная вышка.

Катя ждала Сашу на Девичьем поле, у клуба завода «Каучук», скуластая сероглазая степная девчонка в свитере из толстой деревенской шерсти. От нее пахло вином.

— Выпили с девчатами красного. А тебе праздника нет?

— Какой праздник?

— Какой... Покров.

— А...

— Вот тебе и «а»...

— Куда пойдем?

— Куда... К подруге.

— Что взять?

— Закуска там есть. Купи водки.

По Большому Саввинскому переулку, мимо старых рабочих казарм, откуда слышались пьяные голоса, нестройное пение, звуки гармоники и патефона, потом по узкому проходу между деревянными фабричными заборами они спустились на набережную. Слева — широкие окна фабрик Свердлова и Ливерса, справа — Москва-река, впереди — стены Новодевичьего монастыря и металлические переплеты моста Окружной железной дороги, за ними болота и луга, Кочки и Лужники.

— Ты куда меня ведешь? — спросил Саша.

— Куда-куда... Иди, нищему деревня не крюк.

Он обнял ее за плечи, она попыталась сбросить его руку.

— Потерпишь.

Саша крепче сжал ее плечо.

— Не бунтуй.

Четырехэтажный неоштукатуренный дом стоял на отшибе. Они прошли по длинному коридору, слабо освещенному, с бесчисленными дверьми по сторонам. Перед последней дверью Катя сказала:

— У Маруси друг... Ты ничего не спрашивай.

На диване, лицом к стене, спал мужчина, у окна сидели мальчик и девочка лет по десяти-одиннадцати, они оглянулись на дверь, поздоровались с Катей. У кухонного столика в углу комнаты, рядом с рукомойником, возилась маленькая женщина, много старше Кати, с миловидным добрым лицом. Это и была Маруся.

— А мы заждались, думали, не придете, — сказала она, вытирая руки и снимая фартук, — думали, загуляли где... Вставайте, Василий Петрович, гости пришли.

Мужчина поднялся, худой, хмурый, пригладил редкие волосы, провел ладонью по лицу, сгоняя сон. Воротничок его рубашки примялся, узел галстука был опущен.

— Пироги засохли. — Маруся сняла полотенце с лежавших на столе пирогов из ржаной муки. — Этот с соей, этот с картошкой, а тот с капустой. Тома, подай тарелки.

Девочка поставила на стол тарелки. Катя сняла жакет, достала из буфета ножи и вилки, сразу стала

накрывать на стол, знала, где что лежит, видно, бывала тут не раз.

— В комнате убери! — приказала она Марусе.

— Заспались после обеда, — оправдывалась та, снимая со стульев одежду, — и ребята бумагу нарезали, подбери бумагу, Витя.

Ползая по полу, мальчик собрал обрезки бумаги.

Василий Петрович умылся под умывальником, подтянул галстук. Маруся отрезала ребятам по куску от каждого пирога и поставила на окно.

— Ешьте!

Василий Петрович разлил водку.

— С праздником!

— Под столом встретимся! — Катя посмотрела на всех, кроме Саши. Она в первый раз привела его к своим знакомым, пила здесь водку, а с ним пила только красное вино.

— Какого черноглазого себе отхватила! — весело проговорила Маруся, кивая на Сашу.

— Черноглазого и кудрявого, — усмехнулась Катя.

— В молодости волосы вьются, в старости секутся, — объявил Василий Петрович и снова взялся за бутылку. Теперь он не казался Саше хмурым, в его разговорчивости было желание поддержать знакомство. И Маруся глядела на них ласково, понимающе.

Саше было приятно Марусино покровительство, нравился этот дом на окраине, песня и гармошка за стеной.

— Что же вы не едите? — спросила Маруся.

— Ем, спасибо, вкусные пироги.

— Было бы из чего, не такие бы испекла — дрожжей и тех не достанешь. Спасибо, Василий Петрович принес.

Василий Петрович сказал что-то серьезное по поводу дрожжей.

Ребята попросили еще пирога.

Маруся снова отрезала им по куску.

— Думаете, для вас одних наготовлено?! Кончилась ваша гулянка, умывайтесь!

Она собрала их постели и понесла из комнаты, к соседке.

Дети ушли спать. Потом собрался и Василий Петрович. Маруся пошла его провожать. Уходя, сказала Кате:

— Чистую простыню в шкафу возьми.

— Зачем он ей нужен? — спросил Саша, когда за Марусей закрылась дверь.

— Муж бежит от алиментов, ищи его, жить-то надо.

— При детях?

— Голодными лучше сидеть?

— Старый он.

— И она не молодая.

— Что же не женится?

Она исподлобья посмотрела на него:

— А ты на мне чего не женишься?

— Тебе замуж хочется?

— Хочется... Ладно! Давай спать ложиться.

И это было необычно. Каждый раз ему приходилось добиваться ее так, будто они встречаются впервые, а сегодня сама стелет постель, раздевается. Только сказала:

— Свет потуши.

Потом перебирала пальцами его волосы...

— Сильный ты, любят тебя, наверно, девки, только неосторожный, — она наклонилась над ним, заглянула в глаза, — рожу тебе черноглазенького, не боишься?

Рано или поздно это должно было случиться. Ну что ж, сделает аборт, ребенок не нужен ни ему, ни ей.

— Ты беременна?

Она уткнулась головой в его плечо, прижалась к нему, будто искала защиты от несчастий и невзгод своей жизни.

Что он знает о ней? Где она живет? У тетки? В общежитии? Снимает угол? Аборт! Что скажет она дома, какой бюллетень предъявит на работе? А вдруг пропустила сроки? Куда денется с ребенком?

— Если попалась, рожай, поженимся.

Не поднимая головы, она спросила:

— А как малого назовем?

— Решим, времени много.

Она опять засмеялась, отодвинулась от него.

— Не женишься ты, да и не пойду я за тебя. Тебе сколько? Двадцать два? Я и то старше тебя. Ты образованный, а я? Шесть классов... Выйду, только не за тебя.

— За кого же? Интересно.

— Интересно... Парень один, наш, деревенский.

— Где он?

— Где-где... На Урале, приедет и заберет меня.

— Кто он?

— Кто... Механик.